

К. Н. Гаврилов

Институт археологии РАН,
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия
[k_gavrilov.68@mail.ru]

Institute of Archaeology RAS,
19 Dm. Ulyanova St., Moscow, 117292, Russia
[k_gavrilov.68@mail.ru]

Переход от средней к поздней поре верхнего палеолита в центре Русской равнины: реколонизация или автохтонное развитие?¹

Статья поступила 15.02.2023, принята 22.03.2023

Для цитирования: Гаврилов К. Н. Переход от средней к поздней поре верхнего палеолита в центре Русской равнины: реколонизация или автохтонное развитие? *Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований*. 2023 (1), 47–67. DOI: 10.31600/2658-3925-2023-1-47-67

For citation: Gavrilov K. N. Transition from the Middle to the Late Upper Paleolithic in the Central Russian Plain: recolonization or autochthonous development? *Prehistoric Archaeology. Journal of Interdisciplinary Studies*. 2023 (1), 47–67. (in Russ.). DOI: 10.31600/2658-3925-2023-1-47-67

Резюме. Статья посвящена проблеме перехода от средней к поздней поре верхнего палеолита в центральных районах Русской равнины в период позднеледникового максимума. В результате сопоставления радиоуглеродных дат, типологических характеристик каменных индустрий, а также некоторых изделий из бивня и кости поставлена под сомнение точка зрения о депопуляции этой территории после начала позднеледникового максимума и последовавшей после его окончания реколонизации. В качестве альтернативы сформулирована гипотеза, согласно кото-

Gavrilov K. N. Transition from the Middle to the Late Upper Paleolithic in the Central Russian Plain: recolonization or autochthonous development? The article is devoted to the problem of transition from the Middle to the Late Upper Paleolithic in the central part of the East European Plain during the Last Glacial Maximum. The comparison of radiocarbon dates, typological characteristics of stone industries, as well as some ivory and bone artifacts suggests that the hypothesis according to which the area in question was depopulated after the beginning of the Last Glacial Maximum and recolonized again

¹ Исследование проведено в рамках выполнения НИР по теме «Развитие материальной культуры в каменном веке на территории Русской равнины и Кавказа: общие тенденции и локальные проявления» (№ НИОКТР 122011200271–7).

The work was carried out as a part of the research project “The development of material culture in the Stone Age on the territory of the Russian Plain and the Caucasus: general trends and local manifestations” (No. 122011200271–7).

рой культура верхнего палеолита рассматриваемых регионов продолжала развиваться и в период последнего ледникового максимума, и может быть прослежена культурная преемственность между граветтом и эпиграветтом.

Ключевые слова: верхний палеолит, Русская равнина, граветт, эпи-/финальный ориньяк, эпиграветт, последний ледниковый максимум.

only after its end should be questioned. The author puts forward and substantiates an alternative hypothesis that the Upper Paleolithic culture of the Central East European Plain continued to develop during the LGM, as is evidenced by cultural continuity between Gravettian and Epigravettian.

Keywords: Upper Paleolithic, Russian Plain, Gravettian, Epi/Final-Aurignacian, Epigravettian, Last Glacial Maximum.

Вступление

В археологической литературе достаточно распространено мнение, что во время так называемого последнего ледникового максимума (поздневалдайский ледниковый максимум) в Европе произошла депопуляция, вызванная резким ухудшением природных условий (Klein et al. 2021). Не будет преувеличением утверждение, что именно данная точка зрения лежит в основе объяснения перемен в материальной культуре, которые произошли при переходе от средней к поздней поре верхнего палеолита. Применительно к Восточной Европе этот подход был сформулирован в середине 1980-х годов О. А. Соффер (Soffer 1985) и затем поддержан в 1990-е гг. Г. П. Григорьевым (Grigor'ev 1993) и М. В. Аниковичем (Аникович 1998). В частности, согласно мнению Г. П. Григорьева и М. В. Аниковича, на территории Русской равнины восточный граветт прекращается с конца времени существования костёнковско-авдеевской культуры, и его традиции не имеют продолжения в культурах/стоянках поздней поры верхнего палеолита Восточной Европы.

За прошедшую четверть века этот подход не претерпел принципиальных изменений, оставаясь в русле бихевиористской парадигмы объяснения причин, вызывавших изменения в материальной культуре первобытного населения. Согласно этой позиции, любая значимая перемена условий окружающей среды вынуждала население адаптироваться к ней и давать «ответ», который проявлялся в том числе и в изменениях материальной культуры. Ухудшение климатических условий, сокращение поголовья промысловых видов животных и тому подобные факторы заставляли людей перемещаться в поисках территорий, более благоприятных для жизни. По мнению ряда исследователей, эти изменения на территории Восточно-Европейской равнины проявились в прекращении существования восточного граветта и появлении эпиграветта при существовании между ними хронологического разрыва, который на юге был заполнен памятниками так называемого эпиориньяка (Demidenko et al. 2018; Чабай и др. 2020). При этом и сам эпиориньяк оказывается культурным феноменом с непонятным генезисом, поскольку между ним и собственно ориньяком также существует значительный хронологический разрыв (Demidenko et al. 2019).

На первый взгляд, описанная картина выглядит логично. Действительно, климат периода последнего ледникового максимума, согласно общепринятому мнению, характеризовался крайне суровыми условиями (Величко 1973; Gamble, Soffer 1990). Это время датируется довольно широко и относится

к изотопной стадии MIS2 (Clark et al. 2009). Однако собственно климатический минимум датируется более узким периодом от 20 до 18 тысяч некалиброванных лет назад, или около 25–22 тысяч калиброванных лет назад. Природные условия в Восточной и Центральной Европе характеризуются исследователями как суровые, с низкими средними температурами, длительными холодными и, соответственно, короткими тёплыми сезонами, преобладанием открытых ландшафтов и повсеместным распространением вечной мерзлоты. Именно на этот «узкий» отрезок времени приходится хронологический разрыв между восточно-европейским граветтом и эпиграветтом, что закономерно ставит вопрос о генезисе последнего.

В итоге получается довольно парадоксальная картина, когда на территории Восточно-Европейской равнины граветт сменяется непонятно откуда взявшимся эпиориньяком, который, в свою очередь, уступает место неизвестно откуда возникшему эпиграветту. Парадоксальность этой картины усиливается тем фактом, что между граветтскими и эпиграветтскими памятниками центра Русской равнины прослеживаются точки соприкосновения, по крайней мере, в технологии обработки бивня (Хлопачев 2006), а также в произведениях искусства (Гаврилов 2009; Хлопачев 2016). Кроме того, невозможно игнорировать тот факт, что для граветтских и эпиграветтских индустрий Восточно-Европейской равнины основные заготовки — это пластины, пластинки и микропластины, полученные при помощи ударной техники с использованием мягкого минерального отбойника, а среди приёмов вторичной обработки основными являются притупляющая ретушь и резцовый скол. При всём типологическом и технологическом разнообразии вариантов граветта и эпиграветта эти составляющие не позволяют однозначно утверждать, что между ними не существует преемственности технологического, а с учётом имеющихся данных по искусству — и общекультурного развития.

Это понимают и понимали цитировавшие выше исследователи. Именно по этой причине, оставаясь в рамках парадигмы бихевиоризма, они используют гипотезу о миграциях населения для объяснения культурных перемен. Однако эта гипотеза не приближает, а уводит от решения вопроса о причинах таких изменений. Предполагаемые миграции на неизвестные территории с благоприятным климатом скрывают от нашего взора процесс культурных трансформаций.

Хронологические данные

В уже упомянутой статье, посвящённой проблеме культурной и хронологической изменчивости восточноевропейского эпиграветта, В. П. Чабай и его соавторы пришли к выводу о том, что граветтские традиции в бассейне Среднего Днепра прервались без какого-либо продолжения во времени. Затем наступил длительный перерыв в освоении этой территории из-за депопуляции, вызванной резким ухудшением природных условий. По их мнению, появление эпиграветтских стоянок является результатом повторного заселения, вероятно, происходившего из южных и юго-западных регионов Восточно-Европейской равнины (Чабай и др. 2020). Период депопуляции бассейна Среднего Днепра, таким образом, составил около 5–6 тысяч лет: от 25/24 до 20/19 тысяч лет назад (Там же). В некалиброванных значениях этот временной интервал имеет диапазон от 21/20 до 17/16 тысяч лет назад.

Однако этот вывод не согласуется с общей картиной распространения верхнепалеолитических стоянок на территории Восточно-Европейской равнины (рис. 1), а также со всем комплексом известных нам данных о радиоуглеродных датах памятников региона (рис. 2).

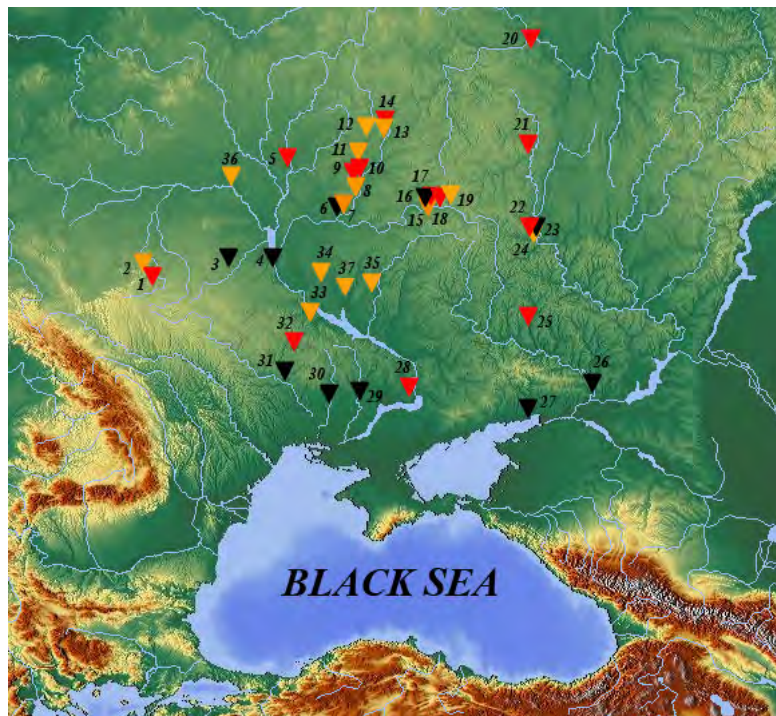

Рис. 1. Расположение памятников верхнего палеолита, датированных в основном периодом около 23–12 тысяч лет назад, на территории Восточно-Европейской равнины. Красные треугольники — граветтские стоянки; оранжевые треугольники — эпиграветтские стоянки; чёрные треугольники — финально-граветтские, а также эпи-/финально-ориньякские стоянки, датированные временем около 20–19 тыс. лет назад. 1 — Збитенка; 2 — Бармаки; 3 — Радомышль; 4 — Кирилловская; 5 — Бердыж; 6 — Оболонье; 7 — Бужанка 1, Бужанка 2; 8 — Мезин; 9 — Чулатово 1, Чулатово 2; 10 — Пушкари I; 11 — Юдиново 1; 12 — Елисеевичи 1, Елисеевичи 2; 13 — Тимоновка 1, Тимоновка 2, Супонево; 14 — Хотылёво 2, Хотылёво 6; 15 — Быки 1, Быки 7; 16 — Октябрьское, 1-й слой; 17 — Октябрьское, 2-й слой; 18 — Авдеево; 19 — Курск 1; 20 — Зарайск; 21 — Гагарино; 22 — Костёнки 1, Костёнки 4; 23 — Костёнки 11, слой 1а; Костёнки 2, Костёнки 3; 24 — Борщёво 1, Борщёво 2; 25 — Ямы; 26 — Золотовка I, Михайловская балка; 27 — Мураловка; 28 — Мира, слой 2 (ранний граветт); 29 — Сагайдак I; 30 — Анетовка I; 31 — Рашков VII, Рашков VIII; 32 — Трояново; 33 — Межиричи; 34 — Семёновка 1–3; 35 — Гонцы; 36 — Юровичи; 37 — Добраничевка

Fig. 1. Upper Paleolithic sites of the East European Plain dated mostly between 23 and 12 kya uncal. Red triangles — Gravettian sites; orange triangles — Epigravettian sites; black triangles — Final Gravettian and Epi/Final Aurignacian sites dated around 20–19 kya uncal. 1 — Zbitenka; 2 — Barmaki; 3 — Radomyshl; 4 — Kirillovskaya; 5 — Berdyzh; 6 — Obolonie; 7 — Buzhanka 1, Buzhanka 2; 8 — Mezin; 9 — Chulatovo 1, Chulatovo 2; 10 — Pushkari I; 11 — Yudinovo 1; 12 — Yeliseyevichi 1, Yeliseyevichi 2; 13 — Timonovka 1, Timonovka 2, Suponevo; 14 — Khotylevo 2, Khotylevo 6; 15 — Byki 1, Byki 7; 16 — Oktyabrskoe, layer 1; 17 — Oktyabrskoe, layer 2; 18 — Avdeev; 19 — Kursk 1; 20 — Zaraysk; 21 — Gagarino; 22 — Kostenki 1, Kostenki 4; 23 — Kostenki 11, layer 1a; Kostenki 2, Kostenki 3; 24 — Borshchevo 1, Borshchevo 2; 25 — Yamy; 26 — Zolotovka I, Mikhailovskaya Balka; 27 — Muralovka; 28 — Mira, layer 2 (Early Gravettian); 29 — Sagaidak I; 30 — Anetovka I; 31 — Rashkov VII, Rashkov VIII; 32 — Troyanovo; 33 — Mezhirichi; 34 — Semenovka 1–3; 35 — Gontsy; 36 — Yurovichi; 37 — Dobranichevka

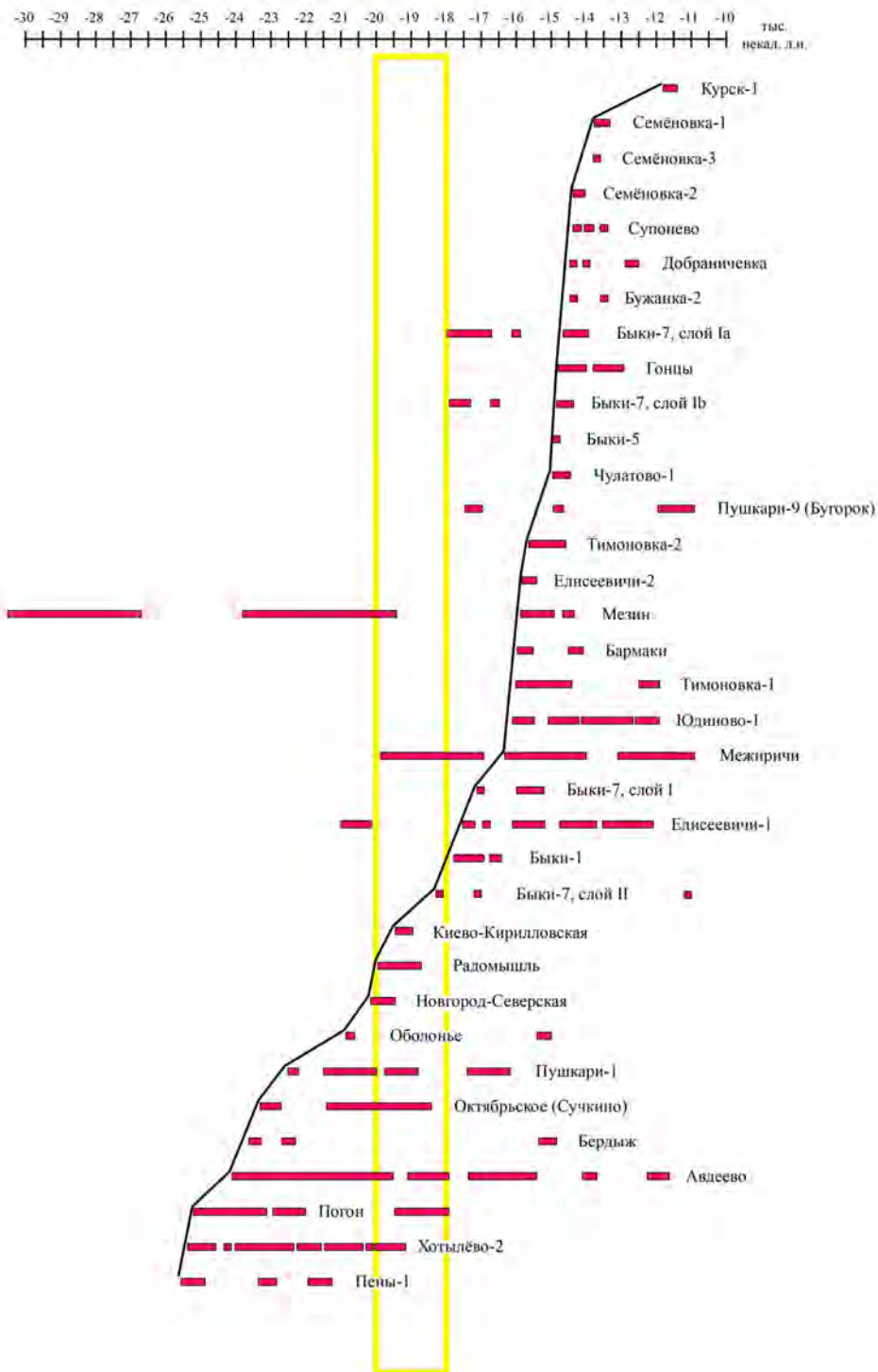

Рис. 2. Общая радиоуглеродная хронология стоянок средней и поздней поры верхнего палеолита в центральных районах Восточно-Европейской равнины (по: Ахметгалева и др. 2020; Величко и др. 1999; Гаврилов 2019; Грибченко, Куренкова 2014; Зарецкая и др. 2018; Синицын, Праслов 1997; Ступак и др. 2014; Хлопачев 2014; Хлопачев, Нужный 2015). Жёлтая рамка отмечает период в 20–18 тысяч некалиброванных лет назад

Fig. 2. General radiocarbon chronology of the Middle and Late Upper Paleolithic sites in the central regions of the East European Plain (after: Ахметгалева и др. 2020; Величко и др. 1999; Гаврилов 2019; Грибченко, Куренкова 2014; Зарецкая и др. 2018; Синицын, Праслов 1997; Ступак и др. 2014; Хлопачев 2014; Хлопачев, Нужный 2015). The yellow frame marks the period of 20–18 ky uncal.

Ещё в 1990-е годы были получены даты около 19 тысяч некалиброванных лет назад для Киево-Кирилловской и Новгород-Северской стоянок (Синицын, Праслов 1997). Тогда же была получена близкая дата для стоянки Радомышль, которая недавно подтвердилась новыми определениями (Кононенко 2018). Мы не можем говорить о том, что население полностью покинуло эту территорию. Более того, с учётом результатов, полученных В. Усиком и О. Кононенко при исследовании каменной индустрии Радомышля, а также характеристик Кирилловской и Новгород-Северской стоянок (Нужный 2015: 91), можно говорить о существовании в бассейне Среднего Днепра стоянок возрастом около 19 тысяч некалиброванных лет назад, оставленных населением, которое использовало технологию раскалывания камня, аналогичную той, которая фиксируется на памятниках восточноевропейского граветта. Таким образом, мы не можем говорить о полном прерывании граветтских традиций в Среднем Поднепровье в период около 20–19 тысяч некалиброванных лет назад.

Более того, мы не можем с уверенностью говорить о депопуляции и для территорий, расположенных вокруг Среднего Поднепровья. Южнее, в Большом Причерноморье, известен целый ряд памятников, датируемых временем около 19 тысяч некалиброванных лет назад, большая часть которых относится к так называемому эпиориньяку сагайдакско-мураловского типа (Demidenko et al. 2019). Примерно этим же периодом датируется Амвросиевская стоянка и расположенное рядом костыще (Кротова 2013). Восточнее Среднего Поднепровья к перечисленным выше памятникам необходимо добавить верхний слой стоянки Октябрьское (Сучкино), расположенной в Посеймье, который также имеет радиоуглеродную датировку около 19 тысяч некалиброванных лет назад и который по ряду признаков может быть сопоставлен с таким памятником, как Пушкари I (Гаврилов 2016). Ещё восточнее, на территории Костёнковско-Борщёвского района, известен целый ряд стоянок, относимых к так называемой замятнинской археологической культуре. Эти памятники синхронны причерноморским эпиориньякским стоянкам (Бессуднов 2019).

Наконец, необходимо упомянуть открытую не так давно в Нижнем Подесенье стоянку Оболюнь (Ступак и др. 2014). Имеющиеся для неё две радиоуглеродные датировки могут показаться, на первый взгляд, противоречивыми: 21 и 15 тысяч некалиброванных лет назад. Исследователи этого памятника склоняются к признанию первого значения, поскольку, по их мнению, эта дата более всего соответствует характеру материальной культуры Оболюнь. Соглашаясь с таким заключением, необходимо всё же указать на тот факт, что археологический материал в Оболюнь залегал на различных уровнях (Ступак и др. 2014: 13, рис. 5), о чём ниже будет ещё сказано.

В целом можно констатировать, что в центральных районах Восточно-Европейской равнины, а также на сопредельных территориях известны археологические памятники, которые относятся ко времени около 19 тысяч некалиброванных лет назад. Верхнее и Среднее Подесенье, где отсутствуют стоянки, имеющие достоверные радиоуглеродные даты этого времени, на этом фоне выглядят как исключение. Однако эта ситуация отражает, скорее всего, степень изученности данной территории, а не реальную картину прошлого. Например, на месте расположения стоянки Хотылёво 2 в стратиграфической колонке очень хорошо читается погребённая эфемерная палеопочва, которая может быть сопоставлена с так называемым «трубчевским горизонтом», согласно схеме А. А. Величко (Гаврилов 2008). К этому стратиграфическому уровню, кото-

рый традиционно ассоциируется с периодом ледникового максимума, приурочены единичные находки расщеплённого кремня, покрытого интенсивной патиной, преимущественно отщепов. Кроме того, в верхней части лёссовидных суглинков, в основании горизонта ортзандов, залегают находки второго культурного слоя стоянки Хотылёво-6. Стратиграфическое положение этого слоя, а также метрические и морфологические характеристики пластинчатых сколов и предметов с вторичной обработкой этого памятника позволяют сопоставить его в самых общих чертах с Пушкарёвскими стоянками (Гаврилов 2016). К сожалению, оба комплекса не содержали ни костных остатков, ни скоплений угля, которые могли бы быть продатированы. Тем не менее, эти поселения однозначно моложе граветтского слоя стоянки Хотылёво 2. Остаётся открытым вопрос о том, синхронны ли они известным в настоящее время эпиграветтским памятникам Подесенья или несколько древнее их.

Отрезок времени вокруг значений радиоуглеродных датировок около 18 тысяч некалиброванных лет назад также не является незаполненным, хотя в этом отношении пробелов в хронологической линейке больше. На территории Посеймья только недавно были получены соответствующие данные для слоя II стоянки Быки 7, наиболее древнего в группе стоянок Быки в настоящее время (Ахметгалева и др. 2020). Соответствующие датировки были получены для памятников замятнинской культуры в Костёнках (Бессуднов 2019), а также для Амвросиевки (Кротова 2013) и эпиориньякских памятников Причерноморья (Svezhentsev 1993; Сеницын, Праслов 1997; Бессуднов 2019; Demidenko et al. 2019). Однако Среднее Поднепровье и Подесенья пока представляют собой белое пятно и в данном отношении.

Таким образом, если и можно говорить о хронологическом разрыве между памятниками средней и поздней поры верхнего палеолита на территории Русской равнины, то он касается, прежде всего, Среднего Поднепровья и Подесенья (рис. 3). Однако величина этого hiatus не одинакова на всей протяженности данного региона. Для Среднего Поднепровья он ограничивается отрезком 18–16 тысяч некалиброванных лет назад. На территории бассейна Сейма, с учётом данных по стоянкам группы Быки, разрыв смещается ближе к 19 тысячам некалиброванных лет назад. На территории Верхнего и Среднего Подесенья данный разрыв наиболее значителен и составляет период от 20 до 17 тысяч некалиброванных лет назад. Учитывая сказанное выше о поздних верхнепалеолитических материалах в районе села Хотылёво, необходимо ещё раз подчеркнуть, что в данном случае мы вынуждены оперировать имеющимися датами, которые отражают скорее нынешнее состояние наших данных, чем реальную картину прошлого.

Поскольку этот разрыв разделяет памятники граветта и эпиграветта, гипотеза о прекращении граветтской традиции, на первый взгляд, выглядит обоснованной. В её пользу также свидетельствует и хронологическая позиция эпиориньякских памятников Причерноморья, также разделяющих граветт и эпиграветт (Demidenko et al. 2019). В перигляциальной зоне хронологическую позицию, аналогичную позиции эпиориньякских стоянок, занимают стоянка Оболонье и памятники замятнинской культуры, среди которых опорным можно считать комплекс слоя 1а стоянки Костёнки 11. В отличие от южных эпиориньякских памятников, при раскопках стоянок Оболонье и Костёнки 11, слой 1а, были обнаружены выразительные произведения первобытного искусства, которые позволили сделать ряд важных выводов, связанных с культурными аналогиями между

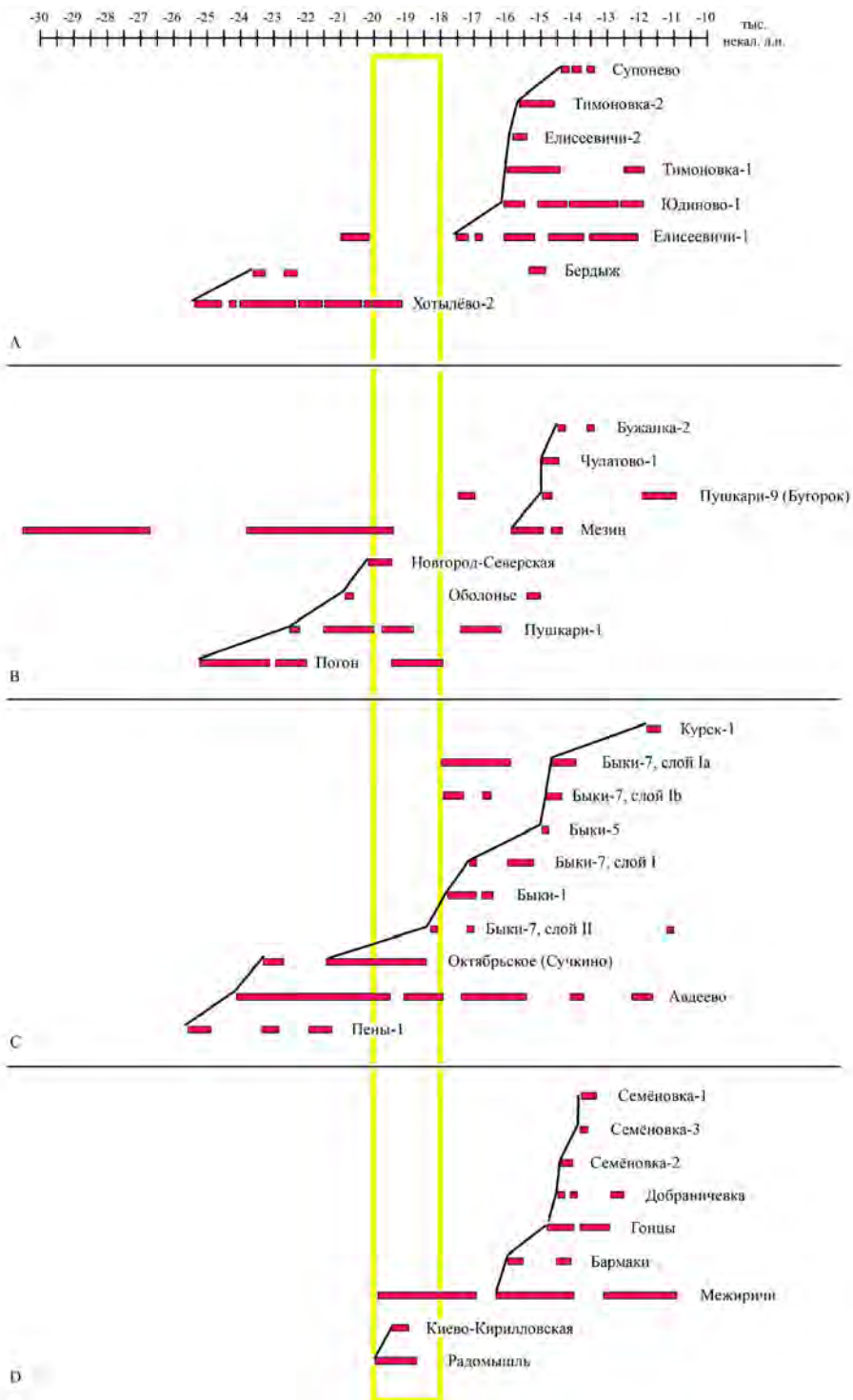

Рис. 3. Радиоуглеродная хронология стоянок средней и поздней поры верхнего палеолита в отдельных районах центра Восточно-Европейской равнины: А — бассейн Верхней Десны; В — бассейн Средней Десны; С — бассейн реки Сейм; D — бассейн Среднего Днепра. Жёлтая рамка отмечает период в 20–18 тысяч некалиброванных лет назад

Fig. 3. Radiocarbon chronology of the Middle and Late Upper Paleolithic sites in different regions within the central part of the East European Plain: A — Upper Desna Basin; B — Middle Desna Basin; C — Seim River Basin; D — Middle Dnieper Basin. The yellow frame marks the period of 20–18 kya uncal

названными памятниками, с одной стороны, и стоянками граветта и эпиграветта, с другой. Они настолько существенны, что позволяют по-новому поставить вопрос о характере перехода от граветта к эпиграветту, по крайней мере, на территории центра Русской равнины.

Стоянка Оболонье

Памятник расположен в центре с. Оболонье (Черниговская обл. Украины). Он был открыт в 2010 году совершенно случайно во время обустройства водной скважины для местной школы (Ступак и др. 2014: 9). Стоянка располагается на правом берегу Десны, в 12–15 км юго-западнее эпиграветтских стоянок Бужанка 1 и 2. Топография расположения очень показательна — это наивысшая точка мыса, образованного при впадении в Десну её правого притока р. Быстрицы (Там же). Находки залегают на глубине чуть более одного метра от современной поверхности в буровато-сером гумусированном суглинке, который в свою очередь перекрывался пачкой отложений, представленной слоями песка, супеси, ортзандами и ожелезнёнными суглинками (Там же: 11). По всей видимости, археологические находки были приурочены к погребённой почве, которая испытала деформации, как предполагают исследователи памятника, мерзлотно-го характера (Там же: 12). Необходимо отметить, что в одном из шурфов был зафиксирован факт залегания археологического материала, включая кости животных, на различной глубине, при этом разница в глубинах достигала полуметра (Там же: 13, рис. 5). По трубчатым костям мамонта были получены две радиоуглеродных датировки: SPb-442 — $15\,200 \pm 200$ лет назад и Oх-28035 — $20\,730 \pm 120$ лет назад (Там же: 15, рис. 5). По мнению исследователей стоянки, вторая дата является предпочтительной, поскольку её значение более соответствует характеру материальной культуры памятника. К тому же образец, по которому была получена дата Oх-28035, был зафиксирован непосредственно в раскопе. Кость мамонта, по которой была получена дата SPb-442, была найдена во время хозяйственных работ, приведших к открытию стоянки, и, таким образом, её стратиграфический контекст остаётся неясным. Тем не менее, не стоит совсем оставлять эту датировку без внимания, учитывая факт залегания археологического материала (костей) на разных глубинах.

Каменный инвентарь (Там же: 15–26) представлен кремнёвыми (9548 экз.) и кварцитовыми (2005 экз.) артефактами (рис. 4). Техника расщепления — призматическая, пластинчатая. Среди пластин, судя по рисункам, преобладают предметы с шириной менее 2 см. Доля пластинок, вероятно, также высока. На пластинах и пластинках изготовлено большинство орудий. Отщепы, в основном, использовались как заготовки для изготовления скребков. Резцы незначительно превышают количественно скребки. Среди резцов ретушных форм немного больше, чем двугранных. Характерно присутствие узких пластин и пластинок с диагонально и поперечно ретушированными дистальными концами. Имеется один экземпляр двойной проколки. Все эти характеристики сближают стоянку Оболонье с эпиграветтскими памятниками Подесенья. Однако имеется довольно существенное отличие между каменным инвентарём этого памятника и каменными инструментами эпиграветтских стоянок Подесенья и Средне-го Поднепровья. Оно состоит, прежде всего, в отсутствии среди каменных изделий Оболонья пластинок и микропластин с притупленным краем. Кроме того, в инвентаре этого памятника имеется выразительная серия скребков высокой

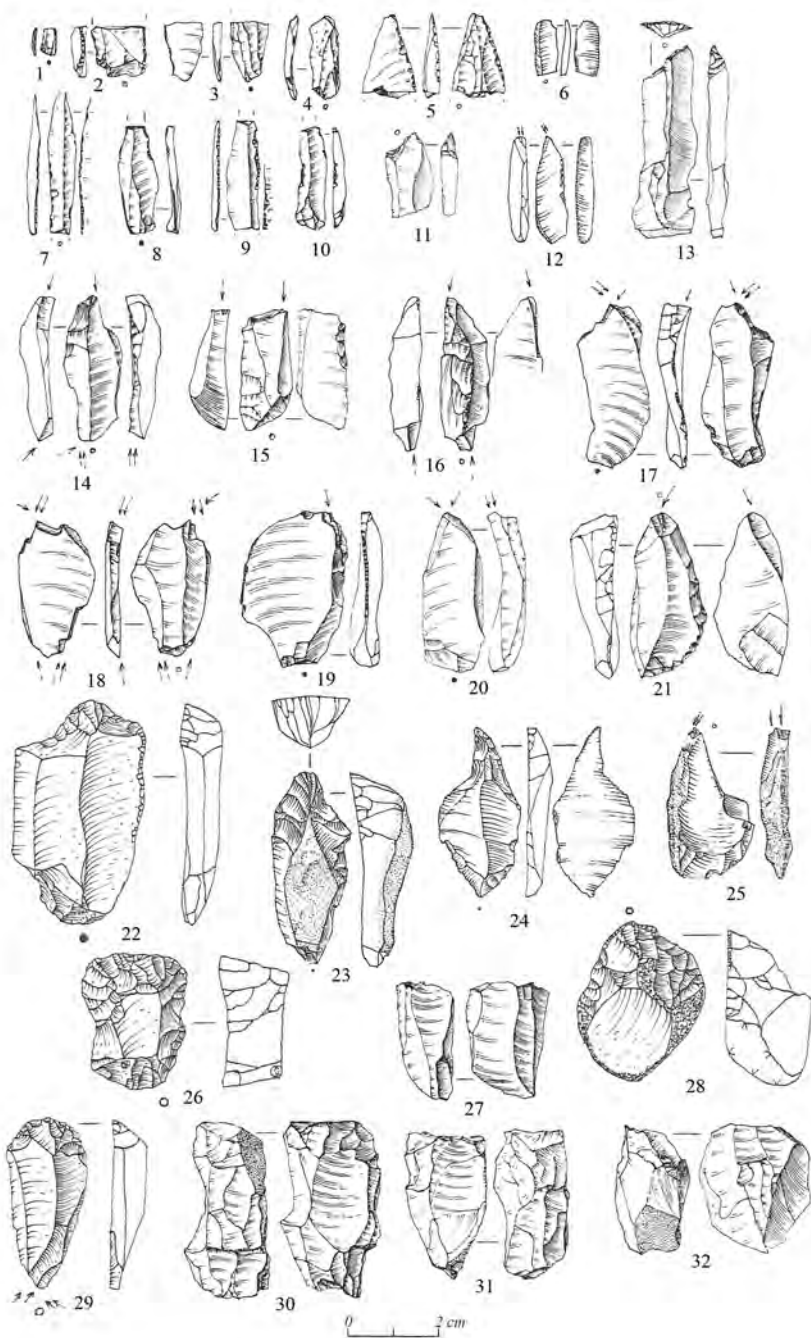

Рис. 4. Каменный инвентарь стоянки Оболонье (по: Ступак и др. 2014, с изменениями)
Fig. 4. Lithic inventory of the Obolonie site (modified after: Ступак и др. 2014)

формы карене и «с носиком». Эти особенности дали основание исследователям Оболонья считать, что каменный инвентарь этого памятника обладает ориньякскими чертами, и поэтому предпочтительный радиоуглеродный возраст Оболонья — около 20 тысяч некалиброванных лет назад (Там же: 29).

Ещё более интересной оказалась находка из раскопок Оболонья, относящаяся к изделиям из бивня. Это крупный фрагмент бивня мамонта с гравированной сложной композицией (рис. 5). Анализ этой композиции опубликован (Ступак 2010: 169–178; Ступак 2011: 60–65; Stupak 2012: 18–23; Яковлева 2013). По мнению исследователей, сложная изобразительная композиция, выгравированная на фрагменте бивня, позволяет сопоставить этот предмет с бивнем мамонта из Киево-Кирилловской стоянки, на поверхность которого также была нанесена причудливая композиция из прорезанных линий. К этому необходимо добавить, что традиция нанесения сложных композиций из прорезанных линий на поверхность крупных фрагментов бивней мамонта фиксируется начиная со времени существования раннего граветта (павловьена) на территории Моравии. Разумеется, в данном случае речь идёт не о полном композиционном и стилистическом сходстве, а именно об аналогичности самих традиций нанесения сложных абстрактных композиций, не являющихся ритмически организованным орнаментом, на поверхность бивней мамонта.

Интересно, что между композициями на бивнях из Оболонья и Кирилловской стоянки можно проследить ещё одну аналогию, а именно: сочетание абстрактных композиций с изображениями, которые вызывают ассоциации с реальными предметами. На бивне из Кирилловской стоянки — это изображение головы зверя (?), на бивне из Оболонья — изображение двух змей и фигурки, украшенной несколькими рядами шевронов и напоминающей мезинскую «фаллическую» статуэтку (Ступак и др. 2014). Таким образом, абстрактная композиция на бивне из Оболонья позволяет протянуть культурные аналогии в двух противоположных направлениях: в сторону восточно- и центральноевропейского граветта и в сторону мезинского варианта восточноевропейского эпиграветта.

Стоянка Костёнки 11 (слой 1а) и замятнинская археологическая культура

Костёнки 11 были открыты в 1950 году А. Н. Рогачёвым. Памятник, как и большинство костёнковско-борщёвских стоянок, является многослойным. Однако наибольшую известность получил комплекс культурного слоя 1а, поскольку именно в нём были найдены костно-земляные конструкции, отнесённые А. Н. Рогачёвым к жилищам аносовско-мезинского типа (Рогачёв 1962). В настоящее время известно три объекта такого рода, один из которых демонстрируется в музейном павильоне в с. Костёнки, второй зафиксирован в ходе разведочных работ и остаётся неизученным, а третий открыт в последние годы и его исследования продолжаются (Дудин, Федюнин 2019).

Аносковско-мезинские конструкции, зафиксированные в слое 1а Костёнок 11, — самые ранние среди этого типа археологических объектов и самые крупные по своим метрическим характеристикам (Абрамова 1997). Их существование, без сомнения, даёт основания для сопоставления материальной культуры слоя 1а Костёнок 11 и памятников эпиграветта центра Русской равнины. Однако большинство остальных категорий материальной культуры различны.

Каменный инвентарь слоя 1а Костёнок 11 (рис. 6) сходен с таковым стоянок Костёнки 2 и Костёнки 3 и характеризует их принадлежность к так называемой замятнинской археологической культуре (Бессуднов 2019). Техника раскалывания камня на памятниках этой культуры направлена на получение пластинок длиной от 3 до 6 см. Для получения мелких пластинок и микропластин

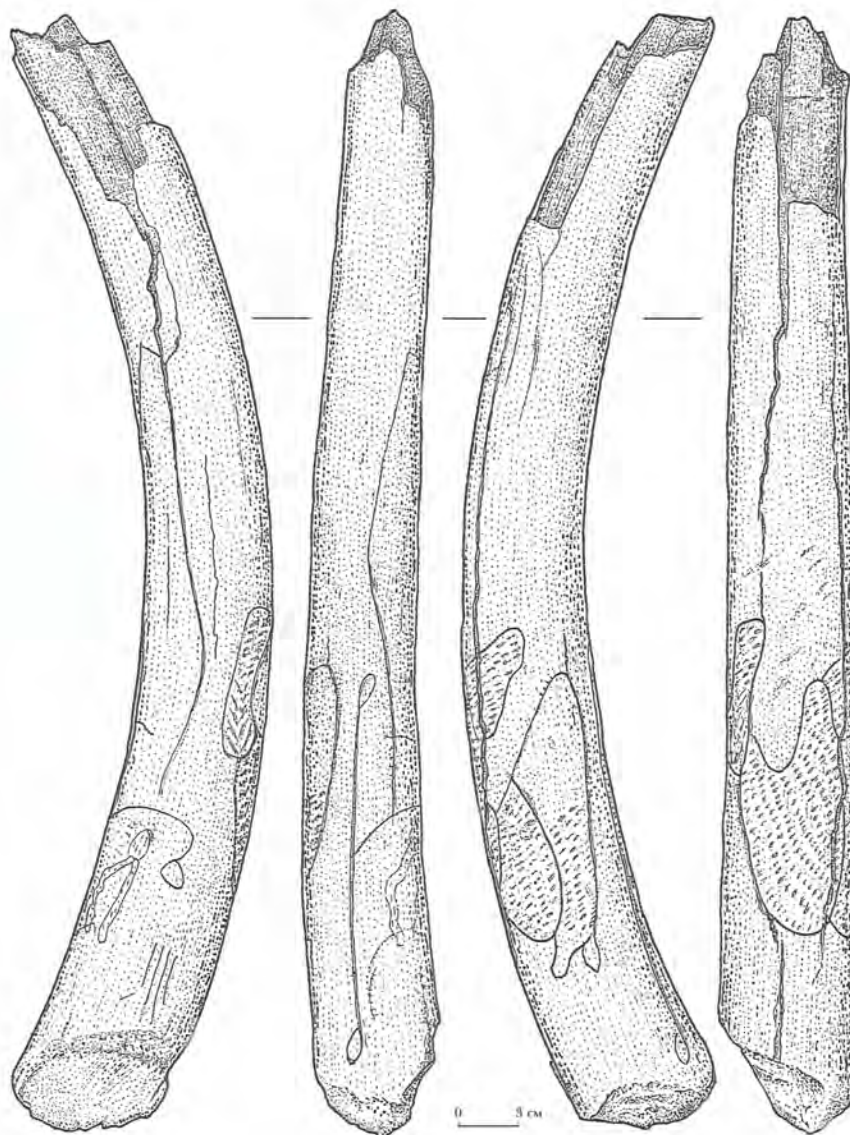

Рис. 5. Стоянка Оболонье, фрагмент бивня мамонта, украшенный выгравированными линиями и изображениями (по: Ступак и др. 2014)

Fig. 5. Obolonie, fragment of a mammoth tusk decorated with engraved lines and images (after: Ступак и др. 2014)

использовались торцовые нуклеусы на отщепах (так называемые вторичные нуклеусы), резцы-нуклеусы и кремнёвые плитки. Имеются также кареноидные скребки-нуклеусы (Лисицын, Дудин 2019: 85, рис. 3). Среди приёмов вторичной обработки широко распространены чешуйчатая подтёска и мелкая приостряющая ретушь, притупливающая ретушь использовалась для оформления единичных орудий, в том числе острий, которые могут быть отнесены к типу федермессер. Серийно представлены долотовидные орудия на мелких отщепах и пластинках, кареноидные резцы-нуклеусы, а также микропластинки с краевой ретушью, что дало основание С. Н. Лисицыну и А. Н. Дудину отнести Костёнки 11 (слой 1а) и Костёнки 2 к «эпиориньяку» (Лисицын, Дудин 2019: 95).

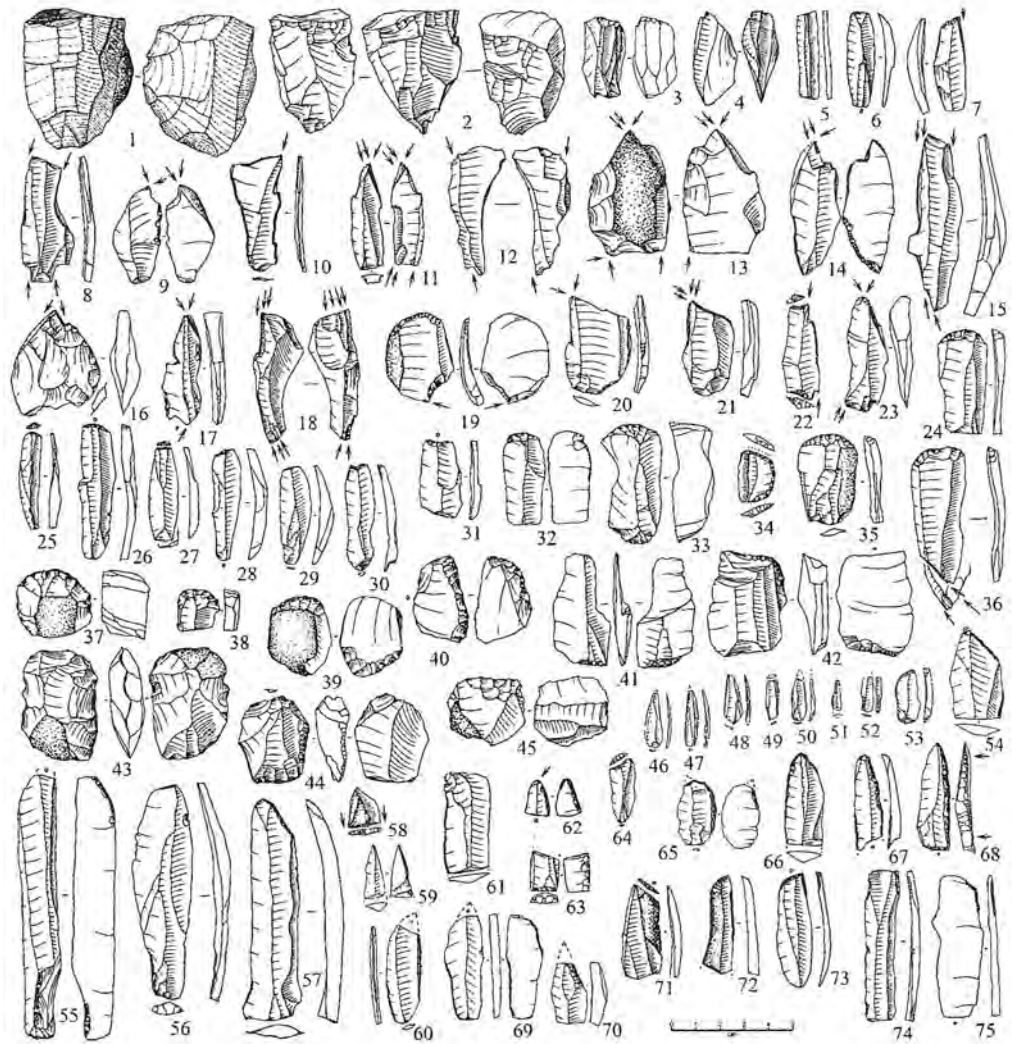

Рис. 6. Каменный инвентарь стоянки Костёнки 11, слой 1а (по: Лисицын, Дудин 2019)
 Fig. 6. Kostenki 11, layer 1a, lithic inventory (after: Лисицын, Дудин 2019)

Единично, кроме острий федермессер, представлены проколки с ретушированными плечиками, а также пластины и пластинки со срезанным ретушью по диагонали дистальным концом. Таким образом, как и в случае с каменным инвентарём стоянки Оболонье, каменный инвентарь памятников замятнинской культуры отличается как от граветтских, так и от эпиграветтских стоянок Восточно-Европейской равнины почти полным отсутствием применения притупляющей ретуши для оформления орудий. Однако имеющиеся исключения снова, как и в случае со стоянкой Оболонье, проводят линии сопоставления с эпиграветтскими комплексами, но не только Поднепровья и Подесенья. К ним необходимо добавить и стоянки Костёнковско-Борщёвского района, а именно Борщёво 1 и Борщёво 2 (нижний слой).

Очень информативным источником оказались новые материалы из раскопок слоя 1а стоянки Костёнки 11, представленные орнаментированными мотыгами из бивня мамонта, бусиной с перехватом из бивня, а также поделкой из кости копытного в виде метаподия мелкого животного (Ахметгалеева, Дудин 2017). Все эти предметы (рис. 7) аналогичны соответствующим категориям материальной культуры, зафиксированным на стоянках позднего граветта центра Русской равнины.

Мотыги из бивня мамонта, украшенные орнаментом, а также поделки в виде метаподий животных характерны для памятников костёнковско-авдеевской культуры (Ефименко 1958; Gvozdover 1995). Бусины с перехватом, близкие той, которая была найдена в слое 1а Костёнок 11, характерны для стоянки Костёнки 4 (Рогачев, Аникович 1982). Вероятно, аналогичные предметы были найдены и при раскопках стоянки Пушкири I (Борисковский 1953).

Выводы

Можно констатировать, что на территории центральных районов Восточно-Европейской равнины известны верхнепалеолитические памятники, занимающие промежуточное хронологическое положение между стоянками позднего/финального граветта и эпиграветта. Их немногочисленность может быть объяснена, с учётом современного состояния источников, двояко: как результат снижения, но не полного исчезновения, численности населения на данной территории и как результат пробелов в полевом обследовании этой территории. Учитывая тот факт, что стоянка Оболонье была найдена случайно на месте, неожиданном для археологов, второй вариант объяснения представляется весьма вероятным.

Материальная культура стоянок Костёнки 11 (слой 1а) и Оболонье имеет довольно существенные различия, которые не позволяют объединить их в рамках одной археологической культуры. Тем не менее, для обоих названных археологических памятников характерно широкое применение кареноидной техники раскалывания камня и минимальное использование полукрутой и притупляющей ретуши для оформления орудий. При этом предметы с вторичной обработкой, оформленные с помощью такой ретуши, имеют аналогии в каменных индустриях стоянок восточноевропейского эпиграветта.

Предметы костяного и бивнёвого инвентаря, найденные при раскопках этих памятников, в том числе относящиеся к произведениям искусства, напротив, имеют аналогии в соответствующих категориях материальной культуры стоянок восточноевропейского позднего и финального граветта. В этом случае не-

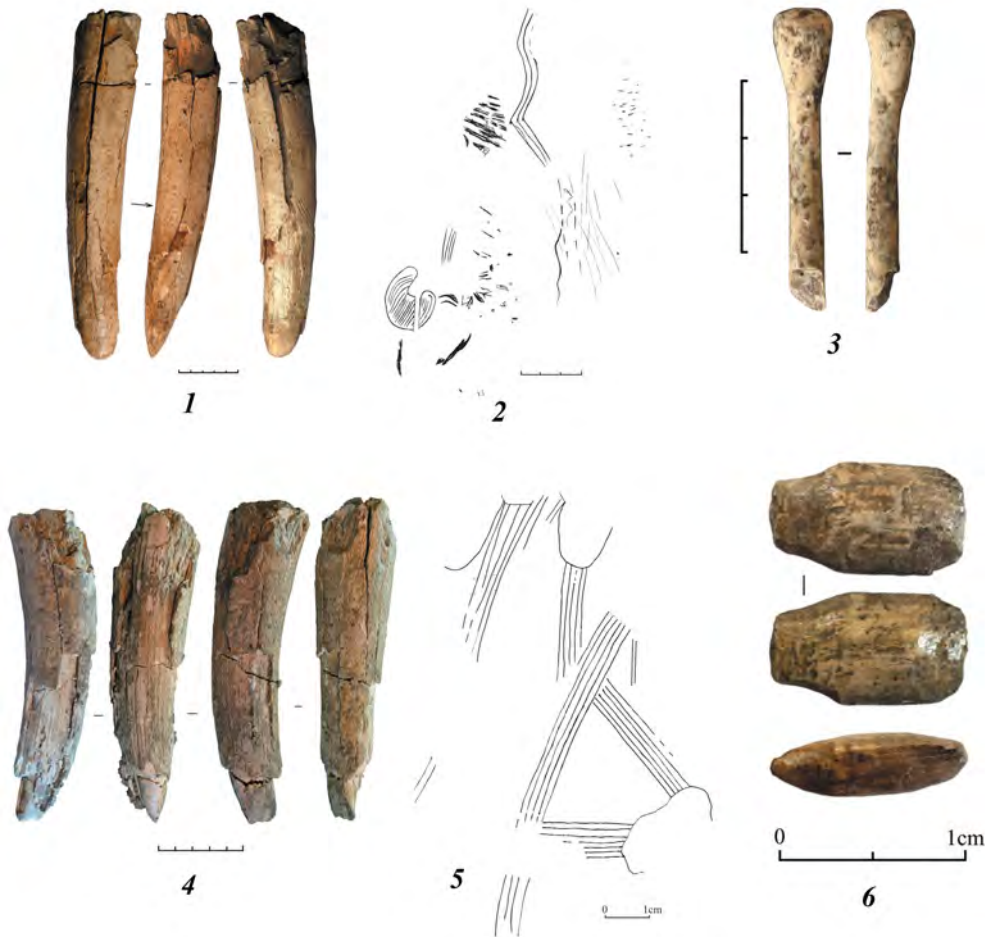

Рис. 7. Костёнки 11, слой 1а, орудия из бивня и кости. 1, 2, 4, 5 — мотыги из бивня мамонта с орнаментом и гравированными рисунками; 3 — костяное изделие, имитирующее метаподий небольшого животного; 6 — бусина из бивня мамонта с перехватом (по: Ахметгалеева, Дудин 2017, с изменениями)

Fig. 7. Kostenki 11, layer 1a, ivory and bone implements. 1, 2, 4, 5 — ornamented ivory hoes decorated with engravings; 3 — bone article imitating a metapodium of a small animal; 6 — ivory bead constricted in the middle (modified after: Ахметгалеева, Дудин 2017)

обходимо также упомянуть новую мужскую статуэтку из раскопок стоянки Хотылёво 2, пункт В (Гаврилов и др. 2022), которая может быть сопоставлена с антропоморфной стержневидной статуэткой из раскопок стоянки Костёнки 2 (замятнинская археологическая культура).

«Жилища» ановско-мезинского типа, найденные при раскопках слоя 1а Костёнок 11, аналогичны, но не идентичны костно-земляным конструкциям, обнаруженным на стоянках восточноевропейского эпиграветта. Эти конструкции, несмотря на их уникальность, не возникают из ниоткуда. У них долгая предыстория, которая начинается с раннего граветта Моравии (Гаврилов 2015),

и это также характерный признак культурной преемственности, но не идентичности, между граветтом и эпиграветтом в Восточной и Центральной Европе.

Перечисленные признаки дают все основания для постановки вопроса о преемственности в развитии материальной культуры верхнего палеолита в центральных районах Восточно-Европейской равнины в период позднеледникового максимума. Они также позволяют нам выработать подходы к характеристике особенностей её трансформации при переходе от граветта к эпиграветту на этой территории. Для достижения этой цели, прежде всего, необходимо провести сравнительный технологический анализ граветтских и эпиграветтских каменных индустрий Восточной Европы. В ходе этого анализа, в свою очередь, необходимо будет выяснить контекст применения кареноидной техники раскалывания. Известно, что нуклеусы-скребки и нуклеусы-резцы присутствуют в каменном инвентаре восточноевропейского граветта и эпиграветта (Лев 2009; Гаврилов 2008; Хайкунова 1998), но этому факту не всегда уделялось должное внимание. Во-вторых, необходимо провести сравнительный трасологический анализ серий микропластинок дюфур и псевдодюфур, а также пластинок с притупленным краем, имеющихся в коллекциях опорных памятников верхнего палеолита Восточно-Европейской равнины периода MIS2. Возможно, такой анализ поможет нам понять причины широкой представленности изогнутых микропластинок без притупляющей ретуши в инвентаре стоянок верхнего палеолита в период последнего ледникового максимума.

Наконец, необходимы крупномасштабные разведочные полевые работы в местах, которые по тем или иным причинам ранее не привлекали внимания археологов, но которые расположены вблизи известных районов стоянок верхнего палеолита и включают отложения позднего плейстоцена. Теория о депопуляции в центре Восточно-Европейской равнины во время позднеледникового максимума вполне может оказаться исследовательским артефактом. Только новые исследования, как полевые, так и лабораторные, могут подтвердить или опровергнуть это предположение.

Литература

- Абрамова З. А. 1997. Жилища и поселения в палеолите Русской равнины. В: Абрамова З. А., Григорьева Г. В. *Верхнепалеолитическое поселение Юдиново*. Вып. 3. СПб.: ИИМК РАН, 5–80.
- Аникович М. В. 1998. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту». В: Амирханов Х. А. (ред.). *Восточный граветт*. М.: Научный мир, 35–66.
- Ахметгалеева Н. Б., Дудин А. Е. 2017. Новые произведения искусства с верхнепалеолитической стоянки Костенки 11, 1А культурный слой: технологический анализ и предварительные трасологические наблюдения. *Археология евразийских степей* 2, 31–54.
- Ахметгалеева Н. Б., Панин А. В., Куренкова Е. И., Зазовская Э. П., Бутова Н. Д. 2020. Проблемы радиоуглеродного датирования стоянок верхнего палеолита Быки в центре Русской равнины. В: Бутова Н. Д., Выборнов А. А., Кулькова М. А. (ред.). *Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее*. СПб.: ИИМК РАН; Самара: Порто-принт, 15–16.
- Бессуднов А. А. 2019. Замятинская археологическая культура поздней поры верхнего палеолита: миф или реальность? *Camera Praehistorica* 1, 36–69.

- Борисковский П. И. 1953. *Палеолит Украины. Историко-археологические очерки* (МИА 40). М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Величко А. А. 1973. *Природный процесс в плейстоцене*. М.: Наука.
- Величко А. А., Грибченко Ю. Н., Куренкова Е. И., Новенко Е. Ю. 1999. Геохронология палеолита Восточно-Европейской равнины. В: Грибченко Ю. Н., Николаева В. И. (ред.). *Ландшафтно-климатические изменения, животный мир и человек в позднем плейстоцене и голоцене*. М.: ИГ РАН, 19–50.
- Гаврилов К. Н. 2008. *Верхнепалеолитическая стоянка Хотылёво 2*. М.: Таус.
- Гаврилов К. Н. 2009. Женщина — зверь — орнамент. Культурная специфика в искусстве эпиграветта на Русской равнине. *Российская археология* 4, 66–80.
- Гаврилов К. Н. 2015. «Жилища» ановсовско-мезинского типа: происхождение и интерпретация. *Stratum plus* 1, 187–203.
- Гаврилов К. Н. 2016. *Верхний палеолит бассейна Десны. Преимущество и вариативность в развитии материальной культуры*. М.; СПб.: Нестор-История.
- Гаврилов К. Н., Хлопачев Г. А., Еськова Д. К. 2022. Новая антропоморфная статуэтка верхнепалеолитической стоянки Хотылёво 2 (пункт В, раскопки 2020 года). *Краткие сообщения института археологии* 269, 7–21.
- Грибченко Ю. Н., Куренкова Е. И. 2014. Палеогеографические особенности основных стоянок позднего палеолита бассейна реки Десны (Хотылёво, Елисеевичи, Юдиново, Пушкари). В: Ступак Д. В., Хлопачев Г. А. (ред.). *Эпіграветські пам'ятки Середнього Подніпров'я*. Київ: Видавець Олег Філюк, 99–116.
- Дудин А. Е., Федюнин И. В. 2019. Третий костно-земляной жилой комплекс стоянки Костёнки 11/а. В: Лисицын С. Н., Платонова Н. И. (ред.). *Человек и мамонт в палеолите Европы. II. Днепро-Донская историко-культурная область. Памяти Михаила Васильевича Аниковича*. СПб.: Ars longa, 221–234.
- Ефименко П. П. 1958. *Костёнки 1*. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Заречная Н. Е., Гаврилов К. Н., Панин А. В., Нечушкин Р. И. 2018. Геохронологические данные и археологические представления о времени существования опорных памятников восточного граветта на Русской равнине. *Российская археология* 1, 3–16.
- Кононенко О. М. 2015. Крем'яні знаряддя верхньопалеолітичної стоянки Радомишль I: типологічна специфіка та її інтерпретація. *Археологія і давня історія України* 3 (16), 35–64.
- Кононенко О. М. 2018. *Стоянка Радомишль I та її місце у верхньому палеоліті України*. Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ.
- Кротова О. О. 2013. *Пізньопалеолітичні мисливці азово-чорноморських степів*. Київ: Видавець Олег Філюк.
- Лев С. Ю. 2009. Каменный инвентарь Зарайской стоянки (типологический аспект). В: Амирханов Х. А. (ред.). *Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005*. М.: Палеограф, 37–185.
- Лисицын С. Н., Дудин А. Е. 2019. Граветт/эпиграветт в Костенковско-Борщевском районе на Дону: критерии разделения, культурная интерпретация и периодизация. *Camera Praehistorica* 1, 70–107.
- Нужный Д. Ю. 2015. *Верхний палеолит заходної і північної України (техніко-типологічна варіабельність та періодизація)*. Київ: ФОП Філюк О.
- Рогачёв А. Н. 1962. Об ановсовско-мезинском типе палеолитических жилищ на Русской равнине. *Краткие сообщения института археологии* 92, 12–17.
- Рогачев А. Н., Аникович М. В. 1982. Костенки 4 (Александровская стоянка). В: Праслов Н. Д., Рогачев А. Н. (ред.). *Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований*. Л.: Наука, 76–84.
- Синицын А. А., Праслов Н. Д. (ред.). 1997. *Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы*. СПб.: ИИМК РАН.
- Ступак Д. В. 2010. Новая верхньопалеолітична стоянка Оболоння в Середньому Подесенні. *Кам'яна доба України* 13, 169–178.

- Ступак Д. В., Хлопачев Г. А., Грибченко Ю. Н., Комар М. С. 2014. Нова верхньопалеолітична стоянка Оболоння. В: Ступак Д. В., Хлопачев Г. А. (ред.). *Епіграветські пам'ятки Середнього Подніпров'я*. Київ: Видавець Олег Філюк, 9–30.
- Усик В. И. 2001. К вопросу о «гигантолитах», топорах и формах мустьерских нуклеусов в позднепалеолитических комплексах. (По материалам ремонтажа коллекций комплекса 2 Королево 2 и стоянки Радомышль). *Vita antiqua* 3–4, 167–179.
- Хайкунова Н. А. 1998. Скрепки и скребковидные предметы в кремневом инвентаре стоянки Супонево. *Труды Государственного Исторического музея* 96, 70–87.
- Хлопачев Г. А. 2006. *Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы*. СПб.: Наука.
- Хлопачев Г. А. (ред.). 2016. *Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН*. СПб.: Экстрапринт.
- Хлопачев Г. А., Гаврилов К. Н. 2019. Палеолитические жилища ановско-мезинского типа: конструктивные особенности и проблема интерпретации. *Российская археология* 4, 27–42.
- Чабай В. П., Ступак Д. В., Весельский А. П., Дудник Д. В. 2020. Культурно-хронологична варіабельність епігравету Середнього Подніпров'я. *Археологія* 2, 5–31.
- Яковлева Л. 2013. *Найдавніше мистецтво України*. Київ: Стародавній світ.
- Clark P. U., Dyke A. S., Shakun J. D., Carlson A. E., Clark J., Wohlfarth B., Mitrovica J. X., Hostetler S. W., McCabe A. M. 2009. The Last Glacial Maximum. *Science* 325, 710–714.
- Demidenko Yu. E., Škrdla P., Rios-Garaizar J. 2018. European perspectives of the East European LGM Epi-Aurignacian with Sagaidak-Muralovka-type microliths. In: Valde-Nowak P., Sobczyk K., Nowak M., Žralka J. (eds.). *Multas per gentes et multa per saecula. Amici magistro et collegae suo Ioanni Christopho Kozłowski dedicant*. Krakow: Institute of Archaeology, 85–92.
- Demidenko Yu. E., Škrdla P., Rios-Garaizar J. 2019. In between Gravettian and Epigravettian in Central and Eastern Europe: a peculiar LGM Early Late Upper Paleolithic industry. *Přehled výzkumů* 60 (1), 11–41.
- Gamble C., Soffer O. 1990. Introduction: Pleistocene polyphony: the diversity of human adaptations at the Last Glacial Maximum. In: Soffer O., Gamble C. (eds.). *The World at 18,000 BP*. Vol. 1. *High Latitudes*. Cambridge: Cambridge University Press, 1–23.
- Gavrilov K. N. 2021. The Epigravettian of Central Russian Plain. *Quaternary International* 587–588, 326–343.
- Grigor'ev G. P. 1993. The Kostenki-Avdeevo archeological culture and the Willendorf-Pavlov-Kostenki-Avdeevo cultural unity. In: Soffer O., Praslov N. D. (eds.). *From Kostenki to Clovis. Upper Paleolithic – Paleo-Indian Adaptations*. New York: Plenum Press, 51–65.
- Gvozdover M. 1995. *Art of the Mammoth Hunters: The Finds from Avdeevo*. Oxford: Oxford.
- Klein K., Wegener Ch., Schmidt I., Rostami M., Ludwig P., Ulbrich S., Richter J., Weninger G.-Ch., Shao Yaping 2021. Human existence potential in Europe during the Last Glacial Maximum. *Quaternary International* 581–582, 7–27.
- Oliva M. (ed.). 2009. *Milovice: Site of the Mammoth People Below the Pavlov Hills. The question of Mammoth bone structures*. Brno: Moravské Zemské Muzeum.
- Soffer O. 1985. *The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain*. Orlando: Academic Press.
- Soffer O., 1990. The Russian Plain at the Last Glacial Maximum. In: Soffer O., Gamble C. (eds.). *The World at 18,000 BP*. Vol. 1. *High Latitudes*. Cambridge: Cambridge University Press, 228–252.
- Svezhentsev Yu. S. 1993. Radiocarbon chronology for the Upper Paleolithic sites on the East European Plain. In: Soffer O., Praslov N. D. (eds.). *From Kostenki to Clovis. Upper Paleolithic – Paleo-Indian Adaptations*. New York: Plenum Press, 23–30.

References

- Abramova Z. A. 1997. Zhilishcha i poseleniya v paleolite Russkoj ravniny. In: Abramova Z. A., Grigor'eva G. V. Verhnepaleoliticheskoe poselenie Yudinovo. 3. St. Petersburg.: «IIMK RAN» Publ., 5–80 (in Russian).
- Anikovich M. V. 1998. Dnepro-Donskaya istoriko-kul'turnaya oblast' ohotnikov na mamontov: ot «vostochnogo gravetta» k «vostochnomu epigravettu». In: Amirhanov Kh. A. (ed.). Vostochnyj gravett. Moscow: «Nauchnyj mir» Publ., 35–66 (in Russian).
- Ahmetgaleeva N. B., Dudin A. E. 2017. Novye proizvedeniya iskusstva s verhnepaleoliticheskoy stoyanki Kostenki 11, 1A kul'turnyj sloj: tekhnologicheskij analiz i predvaritel'nye trasologicheskie nablyudeniya. *Arheologiya evrazijskih stepej* 2, 31–54 (in Russian).
- Ahmetgaleeva N. B., Panin A. V., Kurenkova E. I., Zazovskaya E. P., Burova N. D. 2020. Problemy radiouglerodnogo datirovaniya stoyanok verhnego paleolita Byki v centre Russkoj ravniny. In: Burova N. D., Vybornov A. A., Kul'kova M. A. (eds.). Radiouglerod v arheologii i paleoekologii: proshloe, nastoyashchee, budushchee. SPb.: «IIMK RAN» Publ.; Samara: «Porto-print» publ., 15–16 (in Russian).
- Bessudnov A. A. 2019. Zamyatninskaya arheologicheskaya kul'tura pozdnej pory verhnego paleolita: mif ili real'nost'? *Camera Praehistorica* 1, 36–69 (in Russian).
- Boriskovskij P. I. 1953. *Paleolit Ukrainy. Istoriko-arheologicheskie ocherki* (MIA 40). Moscow, Leningrad: «AN SSSR» Publ. (in Russian).
- Chabaj V. P., Stupak D. V., Vesel'skij A. P., Dudnik D. V. 2020. Kul'turno-hronologichna variabel'nist' epigravetu Seredn'ogo Podniprovy'a. *Arheologiya* 2, 5–31 (in Ukrainian).
- Clark P. U., Dyke A. S., Shakun J. D., Carlson A. E., Clark J., Wohlfarth B., Mitrovica J. X., Hostetler S. W., McCabe A. M. 2009. The Last Glacial Maximum. *Science* 325, 710–714.
- Demidenko Yu. E., Škrdla P., Rios-Garaizar J. 2018. European perspectives of the East European LGM Epi-Aurignacian with Sagaidak-Muralovka-type microliths. In: Valde-Novak P., Sobczyk K., Nowak M., Żrałka J. (eds.). *Multas per gentes et multa per saecula. Amici magistro et collegae suo Ioanni Christopho Kozłowski dedicant*. Krakow: Institute of Archaeology, 85–92.
- Demidenko Yu. E., Škrdla P., Rios-Garaizar J. 2019. In between Gravettian and Epigravettian in Central and Eastern Europe: a peculiar LGM Early Late Upper Paleolithic industry. *Přehled výzkumů* 60 (1), 11–41.
- Dudin A. E., Fedyunin I. V. 2019. Tretij kostno-zemlyanoj zhiloj kompleks stoyanki Kostenki 11/1a. In: Lisicyn S. N., Platonova N. I. (eds.). *Chelovek i mamont v paleolite Evropy. II. Dnepro-Donskaya istoriko-kul'turnaya oblast'. Pamyati Mihaila Vasil'evicha Anikovicha*. St. Petersburg: «Ars longa» Publ., 221–234 (in Russian).
- Efimenko P. P. 1958. *Kostenki 1*. Moscow, Leningrad: «AN SSSR» Publ. (in Russian).
- Gamble C., Soffer O. 1990. Introduction: Pleistocene polyphony: the diversity of human adaptations at the Last Glacial Maximum. In: Soffer O., Gamble C. (eds.). *The World at 18,000 BP*. Vol. 1. *High Latitudes*. Cambridge: Cambridge University Press, 1–23.
- Gavrilov K. N. 2008. *Verhnepaleoliticheskaya stoyanka Hotlylyovo 2*. Moscow: «Taus» Publ. (in Russian).
- Gavrilov K. N. 2009. Zhenshchina — zver' — ornament. Kul'turnaya specifika v iskusstve epigravetta na Russkoj ravnine. *Rossijskaya arheologiya* 4, 66–80 (in Russian).
- Gavrilov K. N. 2015. «Zhilishcha» anosovsko-mezinskogo tipa: proiskhozhdenie i interpretaciya. *Stratum plus* 1, 187–203 (in Russian).
- Gavrilov K. N. 2016. *Verhnij paleolit bassejna Desny. Preemstvennost' i variabel'nost' v razvitii material'noj kul'tury*. Moscow, St. Petersburg: «Nestor-Istoriya» Publ. (in Russian).
- Gavrilov K. N. 2021. The Epigravettian of Central Russian Plain. *Quaternary International* 587–588, 326–343.
- Gavrilov K. N., Khlopachev G. A., Es'kova D. K. 2022. Novaya antropomorfnyaya statuetka verhnepaleoliticheskoy stoyanki Hotlylyovo 2 (punkt V, raskopki 2020 goda). *Kratkie soobshcheniya instituta arheologii* 269, 7–21 (in Russian).

- Gribchenko Yu. N., Kurenkova E. I. 2014. Paleogeograficheskie osobennosti osnovnykh stoyanok pozdnego paleolita bassejna reki Desny (Hotylevo, Eliseevichi, Yudinovo, Pushkari). In: Stupak D. V., Khlopachev G. A. (eds.). *Epigravets'ki pam'yatki Seredn'ogo Podniprov'ya*. Kii: «Vidavec' Oleg Filyuk» Publ., 99–116 (in Russian).
- Grigor'ev G. P. 1993. The Kostenki-Avdeev archaeological culture and the Willendorf-Pavlov-Kostenki-Avdeev cultural unity. In: Soffer O., Praslov N. D. (eds.). *From Kostenki to Clovis. Upper Paleolithic – Paleo-Indian Adaptations*. New York: Plenum Press, 51–65.
- Gvozdover M. 1995. *Art of the Mammoth Hunters: The Finds from Avdeev*. Oxford: Oxbow.
- Khajkunova N. A. 1998. Skrebki i skrebkovidnye predmety v kremnevom inventare stoyanki Suponevo. *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya* 96, 70–87 (in Russian).
- Khlopachev G. A. 2006. *Bivnevye industrii verhnego paleolita Vostochnoj Evropy*. St. Petersburg: «Nauka» Publ. (in Russian).
- Khlopachev G. A. (ed.) 2016. *Verhnij paleolit: obrazy, simvoly, znaki. Katalog predmetov iskusstva malyh form i unikal'nyh nahodok verhnego paleolita iz arheologicheskogo sobraniya MAE RAN*. St. Petersburg: «Ekstraprint» Publ. (in Russian).
- Khlopachev G. A., Gavrilov K. N. 2019. Paleoliticheskie zhilishcha anosovsko-mezinskogo tipa: konstruktivnye osobennosti i problema interpretacii. *Rossiyskaya arheologiya* 4, 27–42 (in Russian).
- Klein K., Wegener Ch., Schmidt I., Rostami M., Ludwig P., Ulbrich S., Richter J., Weniger G.-Ch., Shao Yaping 2021. Human existence potential in Europe during the Last Glacial Maximum. *Quaternary International* 581–582, 7–27.
- Kononenko O. M. 2015. Krem'yani znaryaddya verhn'opaleolitichnoï stoyanki Radomishl' I: tipologichna specifikta ta ii interpretaciya. *Arheologiya i davnyaya istoriya Ukraïni* 3 (16), 35–64 (in Ukrainian).
- Kononenko O. M. 2018. *Stoyanka Radomishl' I ta ii misce u verhn'omu paleoliti Ukraïni*. Extended abstract of Ph.D. thesis. Kii (in Ukrainian).
- Krotova O. O. 2013. *Pizn'opaleolitichni mislivci azovo-chornomors'kih stepiv*. Kii: «Vidavec' Oleg Filyuk» Publ. (in Ukrainian).
- Lev S. Yu. 2009. Kamennyj inventar' Zarajskoj stoyanki (tipologicheskij aspekt). In: Amiranov Kh. A. (ed.). *Issledovaniya paleolita v Zarajске. 1999–2005*. Moscow: «Paleograf» Publ., 37–185 (in Russian).
- Lisicyn S. N., Dudin A. E. 2019. Gravett/epigravett v Kostenkovsko-Borshchevskom rajone na Donu: kriterii razdeleniya, kul'turnaya interpretaciya i periodizaciya. *Camera Praehistorica* 1, 70–107 (in Russian).
- Nuzhnij D. Yu. 2015. *Verhnij paleolit zahidnoï i pivnichnoï Ukraïni (tekhniko-tipologichna variabel'nist' ta periodizaciya)*. Kii: «FOP Filyuk O.» Publ. (in Ukrainian).
- Oliva M. (ed.). 2009. *Milovice: Site of the Mammoth People Below the Pavlov Hills. The quesion of Mammoth bone structures*. Brno: Moravské Zemské Muzeum.
- Rogachev A. N., 1962. Ob anosovsko-mezinskom tipe paleoliticheskikh zhilishch na Ruskoj ravnine. *Kratkie soobshcheniya instituta arheologii* 92, 12–17 (in Russian).
- Rogachev A. N., Anikovich M. V. 1982. Kostenki 4 (Aleksandrovskaaya stoyanka). In: Praslov N. D., Rogachev A. N. (eds.). *Paleolit Kostenkovsko-Borshchevskogo rajona na Donu. 1879–1979. Nekotorye itogi polevyh issledovanij*. Leningrad: «Nauka» Publ., 76–84 (in Russian).
- Sinicyn A. A., Praslov N. D. (eds.). 1997. *Radiouglerodnaya hronologiya paleolita Vostochnoj Evropy i Severnoj Azii. Problemy i perspektivy*. St. Petersburg: «IIMK RAN» Publ. (in Russian).
- Soffer O. 1985. *The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain*. Orlando: Academic Press.
- Soffer O., 1990. The Russian Plain at the Last Glacial Maximum. In: Soffer O., Gamble C. (eds.). *The World at 18,000 BP. Vol. 1. High Latitudes*. Cambridge: Cambridge University Press, 228–252.

- Stupak D.V. 2010. Nova verhn'opaleolitichna stoyanka Obolonnya v Seredn'omu Podesenni. *Kam'yana doba Ukraïni* 13, 169–178 (in Ukrainian).
- Stupak D.V., Khlopachev G.A., Gribchenko Yu. N., Komar M.S. 2014. Nova verhn'opaleolitichna stoyanka Obolonnya. In: Stupak D.V., Khlopachev G.A. (eds.). *Epigravets'ki pam'yatki Seredn'ogo Podniprov'ya*. Kiïv: «Vidavec' Oleg Filyuk» Publ., 9–30 (in Ukrainian).
- Svezhentsev Yu. S. 1993. Radiocarbon chronology for the Upper Paleolithic sites on the East European Plain. In: Soffer O., Praslov N. D. (eds.). *From Kostenki to Clovis. Upper Paleolithic — Paleo-Indian Adaptations*. New York: Plenum Press, 23–30.
- Usik V.I. 2001. K voprosu o «gigantolith», toporah i formah must'erskih nukleusov v pozdnepaleoliticheskikh kompleksah. (Po materialam remontazha kollekcij kompleksa 2 Korolevo 2 i stoyanki Radomyshl'). *Vita antiqua* 3–4, 167–179 (in Russian).
- Velichko A. A. 1973. *Prirodnyj process v plejstocene*. Moscow: «Nauka» Publ (in Russian).
- Velichko A. A., Gribchenko YU. N., Kurenkova E. I., Novenko E. Yu. 1999. Geohronologiya paleolita Vostochno-Evropejskoj ravniny. In: Gribchenko Yu. N., Nikolaeva V. I. (eds.). *Landshaftno-klimaticheskie izmeneniya, zhivotnyj mir i chelovek v pozdnem plejstocene i golocene*. Moscow.: «IG RAN» Publ., 19–50 (in Russian).
- Yakovleva L. 2013. *Najdavnishe mistectvo Ukraïni*. Kiïv: «Starodavnij svit» Publ. (in Ukrainian).
- Zareckaya N. E., Gavrilov K. N., Panin A. V., Nechushkin R. I. 2018. Geohronologicheskie dannye i arheologicheskie predstavleniya o vremeni sushchestvovaniya opornyh pamyatnikov vostochnogo gravetta na Russkoj ravnine. *Rossijskaya arheologiya* 1, 3–16 (in Russian).